

БОЛВАН
ДА МАРЪЯ
(*повестъ*)

Все мы ищем оправдания этому миру и, как правило, находим. Накануне я подрался с Бомбеем. Он ударил меня в лицо, скучным, словно нарисованным ударом, прямо в лоб. Такой удар называется джеб. Он занимался боксом в юности, и я занимался боксом в юности, в той же секции на десятой линии, в подвальном этаже юрфака. Но когда он ударил меня, я сунул руки в карманы, чтобы, не дай бог, не ударить в ответ, сказав: «Ну и дурак». И тогда Бомбей ударил ещё раз и разбил мне нос. Кровь залила замшевый пиджак, светлые хлопковые брюки и попала на белые в мелкую дырочку ботинки, которые я купил в Гамбурге на Мёнкебергштрассе. Я опять обозвал его дураком, зажал нос ладонью и отправился в ванную умываться. Кира принесла мне лёд, завёрнутый в полотенце. Она тут здорово обжилась.

Мне стало стыдно за Бомбея и жаль ботинки. Ботинки я купил прошлым летом. У них была такая твёрдая кожаная подошва с вытесненным названием производителя. Не какое-нибудь транснациональное говно, а хороший немецкий крафт. Только вышел из

магазина, сразу надел, а старые, намокшие накануне и оттого прокисшие, выкинул вместе с коробкой в урну. Шёл по улице и смотрел на свои ноги в отражениях витрин. И джинсы на мне были новые, и куртка: за неделю до парома подхватил на распродаже в Хельсинки. И нравились мне мои ноги, торчащие из-под куртки, в незамятых, без привычных пузырей на колёнках, джинсах. И казался я себе в этих тёмных витринных стеклах, идущий между манекенов и надписей «Verkauf», стройнее и моложе, а возможно, что лучше и удачливее. Но даже если бы и взаправду, поди слови ту удачу с моей одышкой.

Зачем-то придумал взять злополучные ботинки на день рождения к Марье, не хотел ходить в тапках или в носках перед Кирой и бабами, которые там окажутся, и принёс с собой в чёрном шуршащем полиэтиленовом пакете. Ехал в такси по Каменноостровскому, держал пакет на коленях, а он шуршал, как морщился, поперёк всех FM-радиоволн с их плохими песнями.

Во-первых, совершенно всё равно, происходило ли это вчера, в прошлом году, тридцать лет назад или происходит сейчас. Я что-то понял про время, но сразу не записал, а потому скоро забыл. Осталось только чувство, что меня обманули ещё в самом детстве. Впрочем, всех в детстве обманывают. Разве не так? Воспитание ребёнка сплошь состоит из обмана. Нельзя ему вот так просто сказать, что он умрёт. Если это сказать сразу, то не очень понятно, как заставить его опускать стульчак в уборной, решать уравнения и ездить к тёте

Эмме. Особенно последнее. Я бы ни за что не ездил к тёте Эмме, если бы знал, что я смертен.

Пиджак тоже жалко. Но пиджак всё равно казался на мне тесным, если застегнуть, выпирают бока. Я значительно покрупнел, если не сказать «разжирел», за последние годы. На универовских фотокарточках остался тощим глистом на длинных ножках, обёрнутых в пятьсот первый Levis, а в реальности набрал солидность. Марья говорит: «забурел». Не понимаю, нравится ей или нет. Скорее, нравится, но Марья не показатель, у неё ко мне предвзятое отношение.

В позапрошлом году Игорь Ревазович устроил её в «дочку» ЛУКОЙЛа, где сам директорствует. Марья эффектная, манкая. Раньше формы были, а сейчас похудела, но ей идёт. Причёска аккуратная, красится в такую дрюсточку, когда одни волосы светлее других, не помню, как называется, это давно не модно, но ей к лицу. Кажется, что впереди тренда. На работе не знают, что ей уже под полтос, думают, чуть больше тридцати. В кадрах, конечно, в курсе, но остальные не догадываются. А она и не рассказывала никому. Зачем? Ей мальчишки комплименты отвешивают, курить водят, в кафетерий – ухаживают. С кем-то она, наверное, спала.

Раньше звонила ни свет ни заря в свой день рождения и напоминала, мол, ждёт к шести. Спросонья не то поздравлял, не то жаловался. Благодарила и вешала трубку. А в этот раз софтина специальная на смартфоне напомнила. Блякнуло что-то, мол «Марья

Романова, ДР». А я как раз в Питере, уволился же. Я дома, в своей коммуналке, на опционе и на диване, не бреюсь, не мою голову, смотрю сериал про маньяка. Так и отдыхаю. Мне хорошо. Продукты заказываю через сеть, гуляю на балконе с сигаретой. Чего на улицу спускаться? Там слякоть, опять грязный снег, кашель. В среду пригласил Веронику Сергеевну. В четверг не мог дожждаться, когда же она наконец свалит. Но у неё оказался свободный промежуток между выставкой в Гамбурге и выставкой в Милане, муж в командировке, дети у его матери. Пришлось готовить завтрак, варить кофе.

– Я растворимый не пью. Пора бы запомнить. Отправилась в душ, вернулась голая с мокрыми волосами. Так и шла по коммунальному коридору мимо кухни, где я кофе варил, а соседка – кашу дочери.

– Охереть, Дембечка! Опять тут эта толстожопа!/?
Что я должен ответить? Ничего и не ответил.

Вероника и за стол голой уселась. Не знаю, что-то со мной не так, но голые бабы мне кажутся нормальными в постели, а не за столом. Она словно и не понимает, что голая. Или понимает, но дразнится. Долбанный телек врубила, да ещё так громко. Я его последний раз на Новый год смотрел: Путин, все дела.

Наконец сделал вид, что мне нужно по делам. Она поняла, посмотрела с прищуром, но собралась, вызвала «Яндекс. Такси», долго целовала меня у дверей.

Компания любимых и знакомых с детства. Редких случайников наша душевная близость если не приводит в восторг, то настораживает или раздражает. Мы так отчаянно синкопировали, так слаженно дышали в унисон, так отрепетированно исполняли словесные кодансы, что, попади вместе в плацкарт, показались бы труппой самодеятельного театра, едущей на гастроль. Все наши разговоры, тем не менее, – чуждая импровизациям система подколок, сплетен, смешков, цитат, словесных провокаций, преследующих единственную цель – рассмешить компанию.

Мы как хорошо сыгранный, но неизысканный провинциальный оркестрик. Ни один дирижёр не доверит нам серьёзной, что там серьёзной, просто абстрактной темы: всё едино, собьёмся на свои польки и фокстроты. Пусть так, только отбор в этот оркестрик самый строгий, предвзятый. Тут последнее пикколо имеет голос геликона. Иной раз так дунет, так выдохнет горечью, что скривится пришлый, задёргает глазом, заелозит на стуле, да и вон. Поди сыщи... И что там про нас надудит, каких нот подберёт, никому уже не интересно – на репертуар не влияет.

Было время, Бомбей заезжал ко мне по дороге на работу. Я жарил глазунью, варил кофе, и мы вместе завтракали за круглым столом при этом вечно включённом телевизоре, как в оркестровой яме у неубранной постели. Это обоим казалось забавным. Из-под одеяла торчали розовые женские пятки. Бомбей указывал

на них вилкой и говорил с набитым ртом: «Пока мужчина способен сам себе сделать утром яичницу, женщина нужна ему исключительно в гуманитарных целях». Наверное, он имел в виду секс.

Всё верно, с этими пятками разговаривать было не о чем. Не клеились у нас разговоры. Пятки часто сидели в позе лотоса и прислушивались к чему-то не то глубоко внутри, не то где-то снаружи, что мне одинаково никогда не услышать и не понять. За это пятки меня презирали. Это отражалось на том, что происходит ночью, в конечном счёте, на настроении и зарплате.

Довольно скоро пятки легализовались в Веронику Сергеевну, родили мне сына и заставили купить стиральную машину и холодильник «Libcher». Мы даже завели собаку. Но это всё, как оказалось, ненадолго. Марья, кстати, предупреждала, но я не верил. Думал, она просто злится. Чего злиться-то? Я когда на пятом курсе делал ей предложение, отказала. Ну и потом все эти её истории.

Бомбей ни разу не женился, но баб у него много. Некоторых он называет «моя жена» и живёт с ними по году, иногда по полтора. Я думаю, это началось у него с садика. Видел детские карточки, он уже с какой-то метёлкой за ручку. После третьей как бы жены я перестал запоминать их имена. Они все оказываются похожи одна на другую: тощенькие крашенные шатенки, с вытянутым лошадиным лицом, с любовью к французскому синемаграфу «новой волны». Первую звали Лёночка, вторую Лёля, третью опять, кажется, Лёночка.

Остальных я не запоминал, называл попросту «привет!» или «как дела?» Марья помнила их всех, всех привечала. После разрыва с Бомбеем Леночки подолгу паслись у неё, пока не находили кого-нибудь, с кем в постели говорить о Фатихе Акине и курить траву. Бомбей не очень мог поддержать про Фатиха Акина, но его это заводило. Иногда Марья пристраивала Леночек к кому-то из общих друзей. На Марьиных днях рождения Леночек, бывало, собиралось трое или четверо вместе, и мне казалось, что я попал в сумасшедшее будущее, где разрешено клонирование и многожёнство. С некоторыми я был бы не прочь, но только без дальнейших последствий и обещаний.

Это я говорю, что подрался, а ведь я и не дрался. Бомбей просто мне взрезал. Прекрасное начало апреля.

Марья жила в квартире, доставшейся от матери в некогда «блатном» райкомовском доме на Карповке, с огромными окнами, выходящими на долгострой отеля, который должны были сдать ещё к «Играм доброй воли». Отель чуть справа, а напротив купола собора Свято-Иоанновского монастыря. Кстати, женский монастырь. Мы про то даже шутить устали. Шутили только случайные люди, оказавшиеся в нашей компании. Нам было уже не смешно. Впрочем, компания с годами редела, самые развесёлые ушли ещё в начале девяностых, а потом кто сторчался, кто повесился, кого убили. Олега, например, убили. Олег поехал

после работы в декабре на тачиле к дочери в интернат. Его опоили клофелином и выбросили из машины возле остановки автобуса в Ропше. Замёрз. Кому-то хватает рюмки, а Олег был спортсмен, третий дан по кёкусинкай, ну и вообще рыцарь в латах. Наверное, целый стакан выжрал, пока его срубило. Просто не проснулся.

– Вай! У меня сын родился! Выпей со мной, братан!
Конечно, выпил. Как откажешься?

Мы искали его три дня. Сека обнаружил труп Олега в морге Рамбовской больницы. Потом искали тех, кто это сделал. Долго искали. Почти год. Нашли, конечно. Очень серьёзные люди нам тогда помогли. Менты вообще сказали, делайте с этими что хотите, есть на кого повесить. Пестик у нас был, «макаров». Приехали вчетвером утром в понедельник, думали грохнем, но пожалели. Грех на душу брать никто не захотел. Друг другу пестик передавали. Помню, сидят эти двое азербайцев в обоссанных кожаных штанах на кухне, руки в наручниках за спиной, рожи разбиты. Жить хотят. В ванной жена одного из них с заклеенным ртом, в комнате дети телек смотрят про Скруджа Мак Дага. Фолкнер там с ними, типа добрый дядя. Ну да, рожа такая заграничная, сам вмазанный. А они мелкие совсем. Бомбей «макарова» Секе сунул, Сека мне, я флажок вниз, передёрнул – патрон в патронник загнал, а руки ходуном. Поднял, навёл на того, что ближе сидел, а самому стыдно, что тремор такой.

– А-а-а-а! – кричу. – А-а-а!

И говном пахнуло нестерпимо, то ли этот, то ли второй, то ли оба обосрались от страха. И чайник на плите уже минут двадцать кипит. Я в него и бахнул. Бомбей с Секой еле отскочить успели, иначе обварились бы. Оказывается, если кафель на кухне, то по ушам лупит, чуть барабанные перепонки не рвутся.

– Деньги! Деньги забирай, – кричат.

Фолкнер в Америке разбился потом в пятнадцатом на «Индиане». Он всегда мечтал о таком, чтобы как у Че Гевары. Девяностый интерсейт в районе Сиэтла стал его последней взлёткой. А в России Фолкнер чуть было совсем не сторчался. Ходил еле живой, а может быть, это мне так казалось. Скорее второе. Встретил его в десятом летом на Петроградке, он только после больницы, рожа и без того унылая, а тут ещё и отёкшая, ноги все в венах с узелками. Я его привёл к себе, ужином накормил, оставил ночевать. Предложил выпить, но Фолкнер отказался. Утром на работу, а этот херов шпион деньги все из квартиры выгреб, херню всякую, модемы, планшет, ноутбук, в чемодан мой покидал, костюм мой же английский напялил и срыл. Соседи говорили, что мужик «с такой вот рожей» в костюме с чемоданом из комнаты выходил. Решили, коллега. Мне не жаль. Мог бы и попросить. Видел его потом в четырнадцатом в Весёлом посёлке, когда квартиру он свою перед отъездом в Штаты продавал и библиотеку раздавать пришлось. Мне Бомбей сказал, а ему Марья. Книги Фолкнер на лестницу выставил.

Я забрал себе на дачу «Малую историю искусств» и альбом лучших фотографий журнала «Life».

Удивился, кстати, что нормально выглядит. Одурловатость даже прошла.

– Чё ты и как? – это я.

– Нормально, камнями занялся, – это типа он.

– Чё за камни?

– Первая категория. Ваши вписали.

Знал я уже, как наши «вписывают». Ни хера хорошего потом не бывает. Но тогда смолчал. Порадовался, что не торчит.

А эти твари, что Олега клофелином опоили, живут сейчас где-то у себя под Баку, а может быть, и в Купчино. Может быть, даже счастливо живут. Торгуют овощами на районе или подряды от Жилкомсервиса берут на кровельные работы. Дети подросли и пошли в школу. Пятёрки домой приносят. Это ведь уже в шестом году было. Вокруг покой и кредитное благополучие, не то что в девяностые. Налички тогда у них забрали целый чемодан, отвезли Марье. Она квартиру для Олевой дочки купила в Озерках, ещё и осталось. Что теперь вспоминать. Хорошо, что не шмальнул. Не простил бы себе. И без того есть, чего не отмолить.

Кто в Санкт-Петербург попадает из другого места, а не рождается в нём, чтобы раз и навсегда оказаться отравленным испарением его болот, быстро привыкает, что гранит повсюду. Колонны из гранита, набережные из гранита, ступени. Потом находит огромные декоративные

чаши в парках, позже замечает столбики у подворотен, предохраняющие стены он ударов карет. Это гранит рапакиви – гнилой камень. Вообще, он слегка радиоактивен, и потому радиационный фон на набережных чуть выше. Термин *gärakivi* на рубеже семнадцатого и восемнадцатого веков придумал и предложил королю Швеции медик, алхимик и геолог Урбан Хьярве. Сын викария Хьярве родился чуть севернее места, где река Охта впадает в Неву, на землях шведской Ингерманландии. Где-то в районе нынешней станции метро «Красногвардейская». И если бы не отправился с родителями потом в Дорпат (так по-шведски назывался Тарту), а после в Стокгольм, застал бы и Питера дер Эрсте, и всю кампанию по прорубанию окна в Европу. Думаю, ему стало бы не до гранитов.

Эпитет «гнилой» весьма точен. Эти карельские граниты подвержены разрушению под действием внешней среды, то есть выветриванию. Странно, что из него в Петербурге построено почти всё. С другой стороны, его тут так много, что почти до хрена: от бульников, принесённых мореной, до коренных пород такой толщины, что из них можно вырубать колонны под сотни метров длиной каждая.

Вот, скажем, Кира, ты врач. Всё знаешь про болезни, знаешь, как они называются по латыни. Знаешь, как называются по латыни органы, которые затрагиваются во время болезней, уже названных тобой по латыни. Но мало того, ты знаешь латинские названия лекарственных средств, которые лечат те болезни, названные... Всё, чем я могу перед тобой похвастать, это состав горных пород, химические формулы минералов, названия месторождений,

физико-химические характеристики, ну и так далее. Не всё помню наизусть, но до сих пор точно знаю, где посмотреть. Ты считаешь, что уже этого достаточно. Поживём – увидим.

Ну да ладно. Что там ещё о гранитах-рапакиви? Они, как и остальные граниты, кристаллизуются из расплавленной, но не излившейся на поверхность магмы. Это ортоклазовые граниты разной зернистости. Калиевый полевой шпат, плагиоклаз, роговая обманка, биотит, фаялит и пироксен. Чем больше ортоклаза, тем краснее, почти мяснее гранит. Калий-натриевый баланс сдвинут в сторону калия. Они бедны магнием и кальцием, а содержащиеся в них тёмные минералы высокожелезисты. Вряд ли эти знания пригодятся тебе в обычной жизни. Хотя, когда наша пока ещё не родившаяся дочка спросит тебя, а что это такое блестит в камушке, ты смело сможешь ответить, что биотит, или попросту чёрная слюда. Всякие жулики болтают, что биотит хорошо влияет на раскрытие коронной чакры и улучшает зрение третьего глаза. Про глаз не знаю, на первых двух у меня астигматизм. Чакру никто не видел, но мы с тобой, Кира, сторонники доказательной медицины. Кварц в рапакиви тёмно-серый, почти чёрный. Есть включения биотита и плагиоклаза. Вообще, уже тут я начинаю путаться, потому что не бывает просто рапакиви. Есть выборгиты, есть биотитовые граниты, есть пириты, есть неравномерно-зернистый порфировидный гранит, есть крупноовоидный порфировидный гранит. Все они выглядят по-разному. И проще тыкать пальцем в какую-нибудь колонну и называть конкретный тип рапакиви.

Но это не мой профиль, я точно ошибусь. Скажем, врач общей практики может с той или иной степенью точности узнать инфекционную болезнь, а инфекционист не обязан разбираться в типах рака. Мне кажется, вполне пристойная аналогия. Если сравнивать геологию и медицину, то геофизика – это как рентген и УЗИ. Понимаем, что видим, но в частности не вдаёмся. Хотя камни – это красиво. Ради камней мы и пришли тогда в профессию.

Из наших, кстати, с Марьей никто после Олега не спал. Ну, или не афишировали. Вдова друга. Пусть три года только прожили, что же, не вдова теперь? Потом непонятно, что с этим делать. Ну, может быть, Фолкнер пару раз под амфетаминами, Сека от отчаяния. Ну, я иногда по старой памяти. Бомбей точно нет, она бы его не подпустила. Она и раньше не подпускала. А мужиков я многих Марьиных помню. Сплошняком какое-то мудацкё стрёмное: поэты, художники, фарца бывшая с «галёры¹» и «климата²», однокурсники наши. Мужики постарше тоже случались, но не лучше. Даже один уголовник был, звёзды у него на плечах. Мы такие в пионерском лагере «Юный геолог» по трафарету набивали на дипломах за первое место в спортивных состязаниях. Марья с ним по переписке познакомилась. Мода такая была – с сидельцами

¹ Галерея Гостиного двора, известное среди ленинградских фарцовщиков место.

² Верхний открытый вестибюль станции «Гостинный двор», выход на канал Грибоедова, место тусовки центральной молодёжи.

Содержание

Болван да Марья (<i>повесть</i>).....	5
--	---

Офис-дзен (<i>поэма в прозе</i>).....	143
--	-----

Рассказы:

• Короткая история.....	213
• Не в макаронах счастье.....	214
• Счастливая жизнь победителя.....	219
• Танька.....	239
• Любка.....	248
• Лизавета.....	252
• Дарья.....	258
• Законы физики.....	265
• Маленький двойной.....	273
• Варька.....	279
• Простыми словами.....	286

• Я лётчик.....	297
• Земля чёрная, собака чёрная.....	306
• Утро, день, вечер.	309
• Спортсмен.....	313
• Арбузы навсегда.....	316
• Моя дочь москвичка.....	318

Что-то из детства (повесть).....	335
---	------------